

ВЛАСТНЫЙ
ДРАКОН
ДЛЯ ПОПАДАНКИ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Властный дракон для попаданки

<https://litres.ru/73915333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я жила обычной жизнью, пока однажды не шагнула в лужу и не оказалась в мире драконов.

Здесь меня называют избранной. Последней надеждой умирающего королевства. Будущей женой наследного принца.

Вот только никто не спросил, согласна ли я.

Ксавьер – властный, опасный и невыносимо красивый дракон. Он привык приказывать, а я не собираюсь подчиняться. Ему нужен брак, чтобы спасти свой народ. Мне – способ вернуться домой. Но древняя магия уже связала нас, а каждое прикосновение разжигает огонь, которому всё труднее сопротивляться.

Во дворце плетут заговоры, враги мечтают заполучить меня, а мой похититель становится единственным, кто способен меня защитить.

Только я не стану его покорной невестой.

Даже если моё тело предаёт меня всякий раз, когда дракон приближается.

Содержание

Пролог. Шепот чешуи	4
Глава 1. Иллюзия нормальности	8
Глава 2. Лужа как дверь	13
Глава 3. Совет Семи Чешуй	19
Глава 4. Лунные покои	25
Глава 5. Платье для жертвы	32
Глава 6. Вкус пепла и золота	38
Глава 7. Первая ночь без сна	47
Глава 8. Тень крыла над городом	53
Глава 9. Поступь стали	60
Глава 10. Цена слова	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Маргарита Кирова

Властный дракон для попаданки

Пролог. Шепот чешуи

Сон всегда начинался одинаково: с запаха озона и разогретого камня.

Иногда Алине казалось, что этот запах поселился в ней раньше самого сна. Будто еще в детстве, когда она стояла у дачного окна и считала секунды между молнией и громом, кто-то уже тогда дышал ей в затылок и обещал жизнь, которую нельзя прожить спокойно. Раньше она списывала такие мысли на усталость, недосып и слишком живое воображение. Теперь сон возвращался каждую ночь и с каждым разом становился плотнее, ближе, опаснее.

Она знала этот свет – янтарный, как молния, застывшая в смоле. Знала жар чужого тела над собой, тяжесть мужских плеч, шелк длинных темных волос, скользящих по ее коже, как живой огонь. В этом сне не было ни комнаты, ни кровати, ни даже пола под спиной – только тепло, запах грозы и мужчина, чье лицо до последнего ускользало из тьмы.

Он целовал ее так, будто имел на это право. Ненавидеть

это чувство было почти так же трудно, как подчиняться ему. Его ладони двигались уверенно и жадно, будто он знал ее тело слишком хорошо для незнакомца. Каждый раз Алина обещала себе, что в следующий миг оттолкнет его, потребует назвать имя, вырвется. И каждый раз вместо этого выгибалась ему навстречу, пугаясь уже не его, а собственной ответной жажды.

Когда мир вокруг вспыхивал белым светом и на миг переставал существовать, мужчина обычно склонялся к ее лицу, тяжело дыша. И вот тогда сон ломался. На этот раз он не сломался сразу.

Алина открыла глаза и увидела, как по его скулам проходит черная, блестящая рябь. Будто под кожей проступает что-то твердое и нечеловеческое. Она моргнула, решив, что это игра света, но в следующую секунду его глаза вспыхнули расплавленным золотом. Зрачки вытянулись в тонкие вертикальные щели.

Он смотрел на нее уже не как человек.

Губы мужчины разомкнулись. Алина увидела длинный, гибкий, раздвоенный язык, скользнувший по нижней губе с ленивой, почти страшной медлительностью. У основания шеи проступила темная чешуя. Она блеснула в янтарном свете так красиво, что ужас запоздал на целый удар сердца. Сначала пришло непристойное восхищение.

– Нет... – выдохнула она.

Но голос застрял в вязком воздухе сна. Мужчина накло-

нился ближе, и теперь она почти отчетливо различала резкие скулы, красивый жесткий рот, темные брови – лицо, пугающее не уродством, а совершенством. Его можно было бы высечь для храма войны.

– Я нашел тебя, – сказал он.

Голос отозвался не в ушах. В крови. Алина рванулась, пытаясь оттолкнуть его, и в тот же миг увидела за его спиной огромное крыло – черное, с золотыми прожилками, будто раскрывшийся в ночи парус. Тьма сомкнулась над ней. Она проснулась рывком, с коротким криком.

В комнате было темно и холодно. За окном гудела ранняя Москва. Где-то ниже хлопнула дверца машины. На кухне тихо капала вода из крана, который она все забывала починить. Потолок ее съемной квартиры, знакомый до тошноты, пересекала тонкая серая трещина, будто сама реальность издевательски напоминала: вот она, твоя настоящая жизнь. Не крылья. Не золотые глаза. Не опасный мужчина из сна.

Алина села на кровати, притянула колени к груди и только тогда поняла, что ее трясет. Горло саднило, будто она и правда кричала. Щеки горели. Между бедер ныло стыдное тянущее тепло, от которого хотелось одновременно вымыться ледяной водой и снова закрыть глаза.

– Это просто сон, – хрипло сказала она в темноту. – Просто гормоны. Просто стресс.

Она потянулась за телефоном. Экран высветил 04:17. Мигало непрочитанное сообщение от начальника, банковское

приложение напоминало о платеже, заметки – о списке покупок, который она четвертый день переносила на завтра. Все было привычным. Реальным. Нормальным.

И все же на губах стоял привкус озона.

Алина долго сидела в темноте, вглядываясь в серый расцвет за окном, и впервые за много лет чувствовала: ее настоящая жизнь – не та, где она просыпается по будильнику, едет в метро и сводит чужие цифры в идеальные таблицы. Будто привычная реальность вдруг истончилась и под ней зашевелилось нечто огромное. Что-то, у чего были крылья. И оно уже знало ее имя.

Глава 1. Иллюзия нормальности

Будильник зазвонил ровно в семь с бодрой, почти оскорбительной жизнерадостностью.

Алина ударила ладонью по экрану телефона и еще несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок. За ночь серое небо стало еще серее. По стеклу ползла тонкая нитка дождя. Город просыпался, а в квартире стояла та особая предутренняя тишина, в которой лучше всего слышны собственная усталость и собственное одиночество.

Ей было двадцать три. На бумаге жизнь выглядела терпимо: работа в торговой компании, съемная однушка у метро, зарплата без права мечтать слишком громко, несколько друзей и редкие свидания, после которых оставалось чувство плохо проведенной уборки. Внутри все выглядело хуже.

Жизнь состояла из дедлайнов, списков и ощущения вечного опоздания. Будто все вокруг уже начали жить, а она все еще собирала детали для старта, который не наступал. Год назад Алина назвала бы это ростом, полгода назад – временными трудностями. Теперь просто вставала и шла дальше.

Ванная встретила ее желтым светом дешевой лампы и бледным отражением. Под глазами лежали синяки, рыжеватые волосы выбились из ночного пучка, губы казались слишком яркими на усталом лице. Она провела пальцами по шее, вспомнив чужие губы из сна, и резко отвернулась к раковине.

не.

– Дура, – сказала она отражению. – Ты серьезно сейчас покраснела из-за сна?

Душ, кофе, консилер, тон, высокий хвост, черная юбка, белая рубашка, плащ, зонт. Мир любил ритуалы. Иногда ей казалось, что только на них она и держится: не на вере, не на любви, не на счастье, а на повторяемости действий. Пока можешь утром вскипятить чайник, натянуть колготки без стрелки и выйти из квартиры вовремя, жизнь хотя бы делает вид, что под контролем.

На кухонном столе лежал неотправленный подарок матери – шарф, который Алина купила две недели назад и так и не успела отвезти. Рядом стояли кружка с недопитым вчера кофе, отчет по логистике, который она брала домой, и чек из аптеки. Набор трофеев взрослой самостоятельной жизни. Телефон снова мигнул сообщением.

«Алина, отчет нужен к 10:00. И проверь свод по возвратам, там расхождение по двум регионам».

Она закрыла глаза, досчитала до пяти и только потом разблокировала экран.

«Доброе утро. Сделаю».

Как будто у нее был другой ответ.

В метро пахло мокрой тканью, духами, кофе на вынос и чьей-то раздраженной бессонницей. Люди вокруг двигались плотным серым потоком и давно перестали поднимать головы. Алина ехала, держась за холодный поручень, и все утро

ощущала на затылке остаточное напряжение. Словно кто-то шел за ней по пятам – не догонял, но и не отставал. Рабочий день оказался предсказуемо отвратительным.

Начальник, Олег Викторович, обладал редким даром придавать усталости официальный статус. Он не кричал, не оскорблял и не швырялся папками, как карикатурные самодуры из плохих сериалов. Он просто смотрел на сотрудников так, будто любая их ошибка – частное доказательство общего человеческого несовершенства. И этого хватало.

К десяти утра Алина трижды переделала свод, четырежды ответила на одно и то же письмо от регионального менеджера и выпила два отвратительных кофе из автомата. К полудню к этому добавились звонок от арендодателя, сообщение от бывшего, который внезапно вспомнил о ее существовании, и новое напоминание от банка.

– Алина, – сказал Олег Викторович, появляясь у ее стола ровно в тот момент, когда она пыталась понять, откуда взялась ошибка по Краснодару, – если тебе нужна помощь с расстановкой приоритетов, ты скажи. У нас не кружок художественной самодеятельности.

Она подняла на него глаза.

– Отчет будет через пятнадцать минут.

– Он должен был быть час назад.

– Я знаю.

– Рад, что у нас совпадают представления о времени.

Он ушел, а у нее внутри что-то медленно сжалось. Не от

обиды. От усталости: даже обидеться уже не осталось сил.

После обеда, когда дождь за окном перешел в мелкую холодную морось, Алина поймала свое отражение в темном экране ноутбука. Умная, собранная, аккуратная девушка – красивее, чем сама о себе думала, живее, чем выглядела, и совершенно чужая себе.

Ей вдруг до боли захотелось, чтобы кто-нибудь хоть раз посмотрел на нее так, как во сне смотрел мужчина с золотыми глазами, – не мимо, не оценивающе, не между делом, а так, будто весь мир в этот миг стянулся в одну точку. И тут же стало смешно и противно от собственной сентиментальности.

К шести вечера она сдала все, что должна была сдать, получила сухое «принято» и вышла из офиса уже в сумерках. Город плавал в сыром сиреневом свете. Неон аптек дробился в лужах. Ветер тянулся под плащ, как ледяные пальцы.

По дороге к метро Алина зашла в магазин, купила корм соседскому коту – она обещала подкармливать его, пока хозяйка в командировке, – и таблетки от головы. На кассе продавщица спросила, нужен ли пакет, и на секунду Алине захотелось сказать «нет» вообще всему: пакету, таблеткам, работе, городу, привычке жить так, будто счастье можно отложить до следующего квартала.

У подъезда дремал рыжий кот, тот самый соседский. Он потерялся о ногу, замурлыкал, и Алина невольно улыбнулась. Погладила теплую спину, подняла взгляд на окна дома – и

замерла. В окне ее кухни отразилась молния. Небо при этом было почти чистым.

Вспышка исчезла так же быстро, как появилась. Алина поднялась в квартиру, насыпала коту корм и еще минуту стояла у окна, вглядываясь в темнеющий двор. Фонари. Чужие окна. Медленно ползущее мимо такси. Ничего необычного. Но тревога уже поселилась под кожей. Ночью сон пришел снова.

На этот раз мужчина не касался ее сразу. Он стоял напротив, высокий, широкоплечий, весь в черном. Тяжелая одежда, расшитая золотой нитью, делала его похожим не на любовника, а на палача, которому зачем-то подарили лицо бога.

- Тебе не следует бояться меня, – сказал он.
- Тогда почему я просыпаюсь в холодном поту?
- Потому что ты еще не помнишь.
- Что не помню?

Он сделал шаг вперед. Воздух загудел. Сердце сорвалось с ровного ритма.

- Нас.

Когда он коснулся ее щеки, Алина проснулась уже с криком. И в тот момент поняла: нормальность больше не работает. Она трещала по швам.

Глава 2. Лужа как дверь

Следующий рабочий день начался хуже обычного и этим почти успокаивал: война с возвратами, бессмысленное совещание, капризный кондиционер и письмо от HR о «культуре поддержки». Мир упорно делал вид, что золотых глаз, чешуи и чужого голоса в ее снах не существует.

Алина почти убедила себя в том, что так и есть.

К вечеру она даже смеялась вместе с коллегой Лерой над очередным абсурдным запросом от регионов и почти не вздрагивала, когда за окном вспыхивала далекая гроза. Только когда в лифте на первом этаже на секунду мигнул свет и в зеркальной стенке отразились не ее глаза, а две золотые вертикальные щели, сердце ушло в пятки. Она моргнула. В зеркале снова была она.

– Ты в порядке? – спросила Лера.

– Да. Просто спала мало.

– Возьми выходной. Ты выглядишь, как будто еще чуть-чуть – и укусишь кого-нибудь.

– Наоборот, – сухо сказала Алина, – меня, кажется, хотят укусить первой.

Лера засмеялась, не поняв, а Алина нет. На улице моросил дождь. Мелкий, липкий, не столько мокрый, сколько унижительный. Зонт спасал плохо. Ветер крутил капли в лицо. У метро образовалась обычная для вечера толчея. Люди шли

плотным потоком, каждый замкнутый в своем маленьком личном аду.

Алина шла быстро, прижимая сумку к боку и думая о том, что дома надо проверить аренду, ответить матери и наконец лечь спать раньше полуночи. Никаких мистических прозрений. Никаких судьбоносных решений. Просто прожить этот вечер.

На пешеходном переходе возле ее дома всегда собиралась огромная лужа. Асфальт там просел, коммунальщики обещали починить его еще зимой, но ремонт так и оставался вечным обещанием. Сегодня лужа была особенно широкой и темной, будто кусок жидкого неба провалился в землю. Светофор горел красным.

Алина остановилась у края бордюра и машинально опустила взгляд. Она хотела лишь прикинуть, можно ли обойти воду по сухому.

Вместо отражения серого неба и фонаря в луже было нечто иное. Чистая синяя бездна.

Не вода, а глубина. Башни, уходящие вверх, как заостренные кости. Медленно проплывающая тень огромного крыла. И свет – золотой, живой, далекий. Алина резко отступила. Лужа дрогнула, как живая.

Шум улицы исчез. Не постепенно. Сразу. Кто-то как будто выключил весь город из розетки. Машины застыли и молчали. Капли дождя повисли в воздухе, превратившись в стеклянные бусины. Люди за ее спиной замерли на середине дви-

жения, словно вырезанные из серого воска фигуры.

– Нет, – прошептала Алина, глядя на лужу. – Нет, нет, нет. Из глубины на нее смотрели золотые глаза.

– Ты слишком долго шла ко мне, – сказал знакомый голос, от которого у нее подкосились колени.

Вода взорвалась светом. Это не было падением. Не прыжком. Не ударом. Ее будто выдернули из привычной реальности и протащили через игольное ушко, где одновременно трещали кости, лопались барабанные перепонки и рвались невидимые нити, связывавшие ее с привычным миром. Алина хотела закричать, но горло сжалось. Перед глазами мелькнули огни, тени, языки пламени, какие-то лица и крыши, черные скалы, сияющие символы на камне. Потом пришел холод. Потом жар.

Потом удар о что-то твердое и гладкое.

Она очнулась не сразу. Сознание возвращалось кусками: сначала запах старого камня и благовоний, потом тяжесть собственного тела, потом голос, чужой и резкий:

– Держите круг.

– Она жива?

– Пока да.

Алина с усилием открыла глаза. Над ней нависал купол громадного зала. Узкие окна тянулись так высоко, что за ними почти не было видно неба – только бледный свет. Пол под спиной был холодный, гладкий, сероватый, как шлифованный мрамор. Воздух пах золой, горячим металлом и чем-то

мускусным, звериным. Она дернулась, пытаясь подняться, и мир поплыл. Вокруг нее стояли мужчины. Семеро.

Мужчины были слишком высокими, красивыми и спокойными, чтобы казаться обычными людьми. На них были длинные темные одежды, тяжелые плащи с отблеском чешуи и золотые украшения, похожие скорее на клейма власти, чем на роскошь. Но Алину заставила замереть не одежда. Глаза.

У троих они светились так, словно внутри черепа горел огонь. В центре стоял он. Тот самый.

Теперь она видела его ясно. Черные волосы собраны в тугой хвост. Лицо, от которого хотелось одновременно отступить и не отводить взгляда. Красивое, злое, чуждое. На виске блестела тонкая полоска темной чешуи.

– Ты, – сказала Алина одними губами.

Мужчина шагнул к ней, и каждый его шаг отзывался в воздухе едва заметной вибрацией. Казалось, сам зал знает, кто здесь хозяин.

– Добро пожаловать в Эринию, – произнес он низким, вибрирующим голосом. – Ты пришла вовремя.

– Я никуда не приходила, – прохрипела Алина, отталкиваясь локтями от пола. – Меня сюда притащили.

– Разница несущественна.

– Для тебя, может быть!

Она резко села, голова пошла кругом, но злость уже вытесняла шок.

– Кто вы вообще такие? Где я? Что это за место? И какого

черта вы сделали?

Один из мужчин, пожилой, с седыми прядями в темных волосах, чуть склонил голову.

– Я бы предложил сначала дать ей воды, ваше высочество. Иначе призванная умрет, так и не поняв, почему должна быть благодарна.

– Благодарна? – Алина расхохоталась. Смех вышел сухим, почти истеричным. – Меня выдернули с улицы через лужу, я валяюсь на камне среди секты косплееров, а от меня ждут благодарности?

Мужчина в центре не моргнул.

– Меня зовут Ксавьер. Я наследный принц Дома Огненных Крыльев. И ты здесь потому, что этого потребовал Источник.

Где-то в глубине сознания Алина отметила имя. Оно казалось чужим и одновременно идеально подходило мужчине из ее сна.

– Мне плевать, чего потребовал ваш источник, – сказала она. – Я хочу домой.

Лицо Ксавьера чуть изменилось. Не смягчилось – наоборот, стало еще жестче.

– Это невозможно.

Она уставилась на него.

– Что значит невозможно?

– Это значит, что путь в твой мир был открыт один раз.

– Тогда откройте второй!

– Его нет.

Алина смотрела на него еще секунду, затем медленно встала на ноги. Колени дрожали. Джинсы промокли, плащ был весь в грязных каплях, волосы прилипли к шее. Ей казалось, что она вот-вот упадет, но упасть перед ними означало признать хоть крошечную часть их власти.

– Значит, так, принц Ксавьер, – сказала она, расправляя плечи. – Или вы сейчас объясняете мне по-человечески, что происходит, или я клянусь, что найду в этом вашем замке что-нибудь тяжелое и очень доходчиво объясню вам, насколько вы ошиблись с выбором девушки.

И в этот момент один из семерых тихо рассмеялся.

Ксавьер же смотрел на нее так, будто впервые увидел в ней не сосуд для пророчества, а проблему.

И, возможно, именно это впервые сделало ее здесь реальной.

Глава 3. Совет Семи Чешуй

Если бы позднее кто-то спросил Алину, в какой миг она по-настоящему осознала масштаб катастрофы, она назвала бы не падение в лужу и не встречу с золотыми глазами. Все стало ясно, когда мужчины перед ней начали обсуждать ее судьбу, даже не подумав спросить ее мнения.

Зал оказался тронным, хотя Ксавьер не называл его так. Ротонда из темного камня, круг колонн, высокие узкие окна, откуда лился холодный свет. На полу – золотая мозаика, изображавшая переплетенные крылья и пламя. На возвышении – семь кресел, больше похожих на резные каменные клыки, чем на сиденья. Каждый из мужчин занял одно. Алина осталась в центре круга. Это было сделано нарочно. Как предмет на осмотре. Как добыча.

Она стояла, скрестив руки на груди, чтобы спрятать дрожь в пальцах, и молча переводила взгляд с одного лица на другое. Пожилой седовласый мужчина с саркастичным выражением лица – тот самый, что предлагал ей воды. Молодой темноглазый, болезненно красивый, с ленивой улыбкой хищника. Тяжелый, массивный мужчина с шрамом от виска до подбородка. Еще трое – разные оттенки одного и того же опасного великолепия. И Ксавьер, который не садился, а стоял возле своего кресла так, будто трон ему не был нужен для подтверждения власти.

– Она слишком молода, – сказал кто-то справа.

– Источнику виднее, – ответил седой.

– Человеческая кровь нестабильна.

– Зато не испорчена нашей гнилью.

Они говорили так, словно ее не было в зале.

– Может, кто-нибудь все-таки объяснит мне, почему я стою посреди этого цирка? – холодно спросила Алина.

Седой мужчина склонил голову.

– Я Саргон, первый советник дома и хранитель архивов. И раз уж его высочество предпочитает прямолинейность, я возьму на себя неблагодарный труд перевести ситуацию в понятные формулировки.

– Сделай одолжение, – отрезала Алина.

Саргон сцепил руки за спиной.

– Наш мир умирает. Уже три столетия драконы ведут изнурительную войну с орками. Наши источники истощаются. Все больше детей рождается мертвыми или без искры. Все больше взрослых мужчин теряют разум и превращаются в зверя навсегда. Последняя надежда – древний союз, укрепленный кровью женщины, призванной извне. Женщины, не несущей на себе нашей порчи. Женщины, способной стать парой наследному принцу и родить нового носителя баланса.

Первые несколько секунд Алина просто смотрела на него. Потом улыбнулась.

Не потому, что стало смешно. А потому, что мозг отказался принимать услышанное иначе.

– Подождите, – сказала она удивительно ровным голосом.
– Вы хотите сказать, что меня украли из моего мира, потому что вашему принцу срочно нужна жена и ребенок?

– В грубой форме – да, – невозмутимо сказал Саргон.

– А в вежливой?

– Ты избрана Источником для Великого Союза.

Она перевела взгляд на Ксавьера.

– И тебя все это устраивает?

Он ответил не сразу.

– Это не вопрос удобства. Это вопрос выживания.

– Чьего?

– Моего народа.

– А моего нет?

– Ты не умираешь.

– Меня похитили, – тихо сказала Алина. – Меня вырвали из моей жизни, из моего мира – с корнем. И ты говоришь мне, что это не вопрос моего выживания?

В зале повисла тишина. Ксавьер смотрел на нее сверху вниз, и в его лице не было сочувствия. Только стальная сдержанность. Но где-то под ней Алина вдруг увидела нечто еще. Не жестокость. Отчаяние, настолько старое, что оно давно научилось ходить в короне.

– Назови цену, – сказал советник со шрамом. – Земные женщины любят торговаться.

Она медленно повернула голову.

– Что?

– Украшения. Положение. Слуги. Безопасность. Власть. Если тебя пугает сам ритуал, его можно смягчить.

Алина чувствовала, как в груди поднимается горячая, чистая ярость.

– Вы правда думаете, что меня можно купить? – спросила она.

– Все покупается, – лениво бросил темноглазый.

– Тогда купи себе мозги.

На этот раз даже седой Саргон кашлянул, пряча улыбку. Ксавьер же резко сказал:

– Хватит.

Оглушающая тишина накрыла зал. Даже воздух будто стал тяжелее.

Он подошел ближе, остановился в двух шагах от нее и говорил так тихо, что ей пришлось вслушиваться.

– Посмотри на меня, Алина.

Она не хотела. Но посмотрела.

– Я не ждал тебя, – сказал он. – Я не мечтал о женщине из иного мира. Я не искал в этом счастья. Я искал способ отсрочить смерть для тех, за кого отвечаю. Если бы существовал другой путь, я бы выбрал его.

– Очень трогательно, – прошептала она. – Но почему ценной снова должна стать я?

– Потому что Источник назвал твое имя.

– А я не называла ваше.

Она сделала вдох, собирая в себе все, что осталось от при-

вычной жизни, от самолюбия, от ужаса, от злости на свою беспомощность.

– Слушайте внимательно, – сказала она уже громко, обводя взглядом всех семерых. – Я не вещь. Не жертва. Не сосуд и не инкубатор для вашего отчаявшегося королевства. Я не знаю, что за дыра в вашей магии привела меня сюда, но мой ответ вы можете записать на всех своих золотых стенах. Нет. Я не выйду замуж за дракона.

Последнее слово ударилось о камень и разнеслось по залу ясным эхом.

Кто-то дернулся. Кто-то усмехнулся. Саргон закрыл глаза, будто заранее знал, что все этим и кончится.

А Ксавьер смотрел на нее долго, неподвижно, почти страшно. Потом медленно склонил голову набок.

– У тебя будет время передумать, – сказал он.

– Не будет.

– Будет. Потому что выбора у тебя пока нет.

И вот тогда она впервые его возненавидела. Не за красоту. Не за силу. Не за то, что он был причиной этой невозможной беды. А за то, что в его голосе прозвучала уверенность человека, привыкшего, что мир в конце концов ломается под его волю. Ксавьер обернулся к стражам.

– Отведите ее в Лунные покои. Усильте охрану. И найдите ей одежду, соответствующую ее положению.

– Моему положению пленницы? – бросила Алина.

Его взгляд на секунду задержался на ее лице.

– Моему положению будущей королевы.

– Я лучше выйду замуж за кирпич.

– Кирпичей в Эринии мало, – сказал Саргон сухо. – Придется обходиться принцами.

Алина вырвала руку, когда к ней приблизился страж, и пошла сама. Только бы не показывать, как дрожат ноги. Только бы дойти до дверей с прямой спиной. У выхода она обернулась.

Ксавьер все еще стоял посреди круга, темный на фоне белого света из окон. И впервые ей пришло в голову, что, возможно, ее похитили не потому, что он страшный монстр.

А потому, что монстром его сделали задолго до ее появления. Эта мысль ничуть не уменьшила ярости. Но сделала ее опаснее.

Глава 4. Лунные покои

Лунные покои были красивы так, как бывают красивы клетки в домах людей, убежденных, что роскошь может заменить свободу.

Комната занимала целый ярус башни. Она была полукруглой, вырубленной прямо в темной скале, с белыми занавесями, высоким ложем и коврами такой плотности, что в них тонули шаги. Открытый балкон выходил прямо в пропасть. Ни одной решетки. Ни одного видимого замка. Только высота, ветер и город далеко внизу – слишком далеко, чтобы мечтать о побеге без крыльев.

Алина стояла у края балкона, обеими руками вцепившись в парапет. Ветер трепал мокрые волосы, бил плащом по ногам, тянулся под одежду холодными пальцами. Внизу раскинулась Эриния – чужой мир, который еще утром был нелепой фантазией, а теперь дышал, двигался, жил сам по себе. Черные башни, мосты над бездной, огни, похожие на жидкое золото, и тени огромных существ, скользившие в небе. Два солнца уже клонились к закату. Два. Ей хотелось смеяться и выть одновременно.

– Если вы рассчитываете, что красивый вид заставит меня передумать, то нет, – сказала она, не оборачиваясь, когда за спиной скрипнула дверь.

– Вид предназначен не для этого, – отозвался женский го-

лос. – Он должен напоминать, как далеко отсюда Земля.

Алина резко повернулась. В проеме стояла женщина лет тридцати с лишним, невысокая, сухоощавая, в строгом сером платье без украшений. Кожа у нее была слегка пепельного оттенка, глаза – серыми и очень внимательными, а уши – чуть заостренными. В ней не было ничего мягкого. Ни в осанке, ни в голосе.

– И кто ты? – спросила Алина.

– Мира. Старшая распорядительница этих покоев. С этого дня я отвечаю за ваш быт, безопасность и подготовку ко всем официальным выходам.

– Другими словами, моя надзирательница.

– Если вам угодно.

Мира прошла внутрь с той особой невозмутимостью людей, которые не позволяют себе лишних движений. Следом вошли две девушки помоложе и поставили на стол поднос с водой, хлебом, фруктами и чем-то похожим на жареное мясо.

– Я не голодна.

– Вы голодны, – спокойно сказала Мира. – Просто злость пока сильнее. Это пройдет.

– А если не пройдет?

– Тогда вам будет тяжелее.

Алина смотрела на нее с нарастающим раздражением.

– Вы все здесь разговариваете так, будто уже все решили за меня.

– Не все, – Мира подняла на нее взгляд. – Но многое.

– Например?

– Например, что вы не сможете прыгнуть с этого балкона и выжить. Что ваши попытки разбить окно не дадут результата, потому что стекла заколдованы. Что дверь снаружи охраняют двое воинов. И что, если вы попытаетесь ударить меня первым предметом, который попадется под руку, я, вероятно, успею уклониться.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Потом Алина медленно перевела взгляд на тяжелый серебряный кувшин на столе.

– Ты серьезно сейчас это сказала?

– Я предпочитаю экономить время.

– А я предпочитаю, чтобы меня не похищали.

– Здесь наши вкусы не совпадают.

Если бы Мира пыталась ее утешать, Алина бы, возможно, возненавидела ее с первой минуты. Но в этой женщине не было ни ложного сочувствия, ни сладкой покорности. Только сухая, как соль, честность. И это невольно сбивало с толку.

– Я хочу домой, – сказала Алина уже тише.

– Я знаю.

– И?

– И пока не могу вам этого дать.

– Ты вообще можешь дать мне хоть что-то, кроме еды и угроз?

– Правду, если вы способны ее выслушать.

Алина усмехнулась.

– Попробуй.

Мира сложила руки перед собой.

– Его высочество не хотел, чтобы призыв происходил так рано. Совет давил. Безумие среди драконов распространяется быстрее, чем ожидалось. Некоторые считали, что призванную можно искать еще годы. Некоторые – что вас нужно было привести любой ценой. Принц выбрал меньшее зло.

– Удивительно. Я тронута.

– Не нужно, – сухо сказала Мира. – Я не просила вас его жалеть.

– Тогда что ты просишь?

– Остаться в живых хотя бы до тех пор, пока вы не поймете, насколько многое здесь зависит от вас.

– Снова сказки о судьбе.

– Нет. Практика. Если вы умрете, начнется война.

– Она и так идет.

– Тогда начнется резня без правил.

Алина молчала. Это было самое страшное в новом мире: никто не тратил силы на то, чтобы звучать красиво. Здесь ее тело, брак и жизнь рассматривали как политический ресурс. Прямо. Беспощадно. И от этого все казалось еще реальнее. Мира кивнула на поднос.

– Поешьте.

– Нет.

– Тогда выпейте хотя бы воду.

– Не хочу.

– Вы можете не хотеть сколько угодно, – сказала Мира. –

Но в ваших интересах не терять силы.

– В моих интересах найти дверь домой.

В глазах Миры на миг мелькнуло что-то похожее на усталость.

– Когда-то я знала женщину, которая тоже так говорила.

Алина насторожилась.

– Какую женщину?

– Позже.

– Нет, сейчас.

Но Мира уже отошла к окну.

– Вам принесут одежду к ужину.

– Я никуда не пойду.

– Пойдете. Если откажетесь, за вами придет принц лично.

– Это угроза?

– Это прогноз.

Когда дверь закрылась, Алина осталась одна. И только тогда дала себе право испугаться по-настоящему.

Она села прямо на пол возле кровати и уткнулась лбом в колени. Мир за стенами дышал чужой магией. Где-то далеко слышался крик – не человеческий и не звериный, а нечто среднее. Ветер тянулся с балкона, занавеси дрожали, как призраки. Домой.

Слово звучало все менее определенно. У нее не было

здесь ни адреса, ни карты, ни телефона, ни хоть одного человека, который был бы на ее стороне. Даже собственное тело, казалось, вело себя как предатель: стоило вспомнить золотые глаза Ксавьера, как где-то под гневом шевелилось то самое стыдное, опасное тепло из снов. Алина стиснула зубы.

– Нет, – сказала она вслух. – Нет. Нет.

Потом поднялась и подошла к двери. Тяжелая створка была не заперта изнутри. Она открылась легко. За ней действительно стояли двое стражей.

Высокие, неподвижные, с копьями, в чешуйчатых темных доспехах. Они смотрели на нее без злобы и без сочувствия – так смотрят не на человека, а на приказ, который предстоит исполнить.

– Я хочу пройтись, – сказала Алина.

– Нельзя, леди.

– Я не леди.

– Приказ его высочества.

Она закрыла дверь с такой силой, что затряслась рама.

Через четверть часа она швырнула маленькую вазу в заколдованное стекло. Оно даже не треснуло.

Через полчаса она связала простыни и попыталась прикинуть, хватит ли их до соседнего карниза. Результат был униительно очевиден.

Через час, обессилев, она села на край кровати и впервые заставила себя посмотреть правде в лицо: она действительно была пленницей.

А затем впервые с момента призыва в дверь тихо постучали.

Когда она открыла, на пороге никого не оказалось.

Только маленький серебряный медальон с изображением луны и записка, написанная тонким неровным почерком:

«Не доверяй всем, кто улыбнется. Не бойся тех, кто не умеет этого делать. Смотри на руки принца, когда он лжет».

Алина перечитала записку трижды.

Потом сжала ее в пальцах и медленно подняла взгляд на дверь. В этом дворце была не одна игра. И кто-то уже сделал первый ход.

Глава 5. Платье для жертвы

К ужину ее готовили так, как готовят не женщину, а событие.

Началось все с ванны – огромной каменной купели, которую наполнили горячей водой с дымящимися травами. Алина упиралась, как могла. Ее не били, не держали силой, не кричали. И от этого происходящее казалось еще более омерзительным. Три служанки и Мира работали с безукоризненной вежливостью, лишая ее привычной одежды, распуская волосы, смывая пыль другого мира так, будто стирали последние следы прошлого.

– Я могу помыться сама, – в третий раз сказала Алина, когда одна из девушек потянулась распутывать ее волосы.

– Мы знаем, – ответила Мира.

– Тогда почему вы ведете себя так, будто я кукла?

– Потому что, если оставить вас одну, вы, вероятно, выберете нож вместо гребня.

– Отличная идея, кстати.

– В вашей комнате их больше нет.

Алина смерила ее мрачным взглядом. Горячая вода расслабляла тело против воли. Это было почти унижительно – ощущать удовольствие в момент, когда тебя фактически приводят в товарный вид для ужина с похитителем. Масла пахли чем-то цветочным и острым, напоминавшим корицу и

дым. Девушки не болтали, не переглядывались, не позволяли себе ничего лишнего. Лишь самая молодая однажды подняла на Алину сочувствующие глаза, и Мира тут же заставила ее опустить взгляд. После купели последовали баночки, кисти, флаконы, ткани.

– У вас что, нет более важных дел, чем превращать меня в новогоднюю елку? – спросила Алина, когда ей начали втирать в кожу перламутровый блеск.

– Есть, – ответила Мира. – Но сегодня вы важнее большинства этих дел.

Платье принесли на длинной деревянной вешалке, как церемониальный доспех.

Оно было цвета глубокого изумруда – темного, как лес после дождя. Ткань переливалась едва заметными чешуйчатыми бликами. Рукава плотно облегали руки до запястий, лиф обтягивал грудь и почти жестоко стягивал талию, а юбка спадала тяжелыми складками, словно созданными из жидкой ночи. По линии декольте шла тонкая вышивка золотой нитью, похожая на пламя.

– Нет, – сказала Алина сразу.

– Да, – сказала Мира.

– Я это не надену.

– Наденете.

– Почему? Чтобы вашему принцу было удобнее выбирать, где ставить клеймо?

Девушки замерли. Мира тоже. На долю секунды в ее лице

появилось что-то человеческое – боль или память, Алина не успела понять.

– Его высочество не ставит клейма, – тихо сказала она.

– Пока.

– А вы кусаетесь, когда страшно.

– А вы все здесь слишком наблюдательны.

– Так принято при дворе. Мы выживаем за счет наблюдательности.

В конце концов Алина сдалась не потому, что захотела. Просто поняла: если сейчас ввяжется в драку, проиграет ее на пустом месте. А ей нужно было копить силы, слова, взгляды, возможности.

Платье легло на тело так, словно было сшито по ней. Это пугало. Будто кто-то заранее знал ширину ее плеч, изгиб талии, длину ног. Корсет стянул ребра, заставив выпрямиться. Волосы уложили тяжелой волной на одно плечо, вплели в них тонкие золотые нити. На шею надели узкий обруч из темного металла с зеленым камнем.

– Это снять можно? – спросила Алина.

– Можно, – ответила Мира. – Но не стоит.

– Почему?

– Это знак покровительства дома. Пока он на вас, никто при дворе не посмеет коснуться вас безнаказанно.

Алина хмыкнула.

– Как удобно. Сначала вас сажают в клетку, потом выдают красивый ошейник и называют это защитой.

Мира подошла ближе и сама застегнула обруч у нее на шее. Пальцы у нее были прохладные, сухие.

– В клетке иногда важно выбирать, какие прутья ранят меньше.

– Ужасная мудрость.

– Зато рабочая.

Когда все было готово, Алина осталась одна на несколько минут перед высоким зеркалом. Она смотрела на свое отражение долго.

Из зеркала на нее смотрела не офисная девочка из московской однушки. Не та Алина, что бегала с кофе между совещаниями и проверяла банковские напоминания. Эта женщина выглядела так, будто могла приказать городу замолчать. Бледная, тонкая, с распущенными рыжими волосами и темными глазами, слишком серьезными для ее возраста. Красота, которую раньше можно было не замечать, теперь стала опасным оружием. И Алина не знала, радоваться этому или бояться.

На дне шкатулки, в которую служанки сложили ее снятые вещи, она увидела свой телефон. Черный экран. Мертвая пластинка пластика и стекла. Последняя ниточка с миром, где все было понятно.

Она взяла его в ладонь, нажала кнопку. Ничего.

– Ну же, – прошептала она. – Пожалуйста.

Телефон молчал. Отчаяние пришло внезапно и резко. Не как красивая слеза в глазах, а как удар под ребра. Алина

опустилась на стул, стиснула мертвый телефон двумя руками и вдруг ясно, почти физически почувствовала расстояние между собой и домом. Мать сейчас, наверное, варит чай. Лера жалуется кому-то на работу. Соседский кот скребет дверь. Мир идет дальше без нее.

– Леди, – осторожно позвала одна из служанок.

Алина вытерла глаза ладонью так быстро, что сама едва поняла, когда успела заплакать.

– Я не леди, – жестко сказала она.

Мира, стоявшая у двери, ответила не сразу.

– Пока да.

И в этом «пока» было больше угрозы, чем в любом приказе.

Когда они шли по длинным коридорам цитадели, камень под ногами казался гладким до скользкости, воздух – ледяным, а тишина – неестественно плотной. На стенах висели гобелены со сценами сражений, полетов, коронаций и жертвоприношений. Во многих сюжетах рядом с драконами стояли женщины. Красивые. Безмолвные. Всегда чуть на шаг позади.

– Это ваши королевы? – спросила Алина.

– Некоторые, – ответила Мира.

– А остальные?

– Те, чьи имена теперь не любят произносить.

– Почему?

Мира не ответила. Они остановились у высоких дверей,

обитых черным металлом. По обе стороны от входа стояли стражи. Изнутри доносился приглушенный треск огня и гул мужских голосов. Мира повернулась к ней.

– Последний совет, который я могу дать безнаказанно.

– Какой?

– Не позволяйте им думать, что вы уже сломались.

– А если я и не собиралась?

– Тогда, возможно, у вас есть шанс.

Двери распахнулись. И Алина вошла к дракону, который считал, что время заставит ее сказать «да».

Глава 6. Вкус пепла и золота

Обеденный зал оказался меньше тронного, но ничуть не менее пугающим.

Если в Совете Семи Чешуй ее рассматривали как политический объект, то здесь все было устроено куда интимнее – и оттого опаснее. Огромный камин занимал почти целую стену. В нем ревело пламя, бросая на черный мрамор золотые отсветы. Длинный стол из темного дерева был накрыт на двоих. Серебро, хрусталь, тонкие ножи, кубки, блюда, источавшие незнакомые пряные запахи. Ни музыки. Ни шутов. Ни лишних свидетелей. Только она и он.

Ксавьер стоял у окна спиной к залу, заложив руки за спину. На нем уже не было той тяжелой церемониальной мантии, в которой он встретил ее в Совете. Темный камзол облегал широкие плечи и талию, подчеркивая сухую силу тела. Волосы были распущены, и это делало его еще опаснее – не менее властным, но более живым, более мужским, почти невыносимо красивым.

Алина поймала себя на том, что задержала взгляд на изгибе его шеи, и тут же мысленно выругалась.

– Ты выглядишь так, будто собираешься меня съесть, – сказала она, прежде чем он успел заговорить.

Ксавьер медленно обернулся. Его взгляд скользнул по ней – от волос до подола платья – и задержался на миг дольше,

чем позволяла вежливость. Не жадно. Не влюбленно. Но достаточно, чтобы по спине у нее пробежал холодок.

– Если бы я собирался тебя съесть, – произнес он, – ужин был бы накрыт иначе.

– Прекрасно. Значит, у нас уже прогресс. Ты решил не жевать меня при слугах.

Угол его рта едва заметно дрогнул.

– Садись, Алина.

– Не люблю, когда мне приказывают.

– Знаю.

– Тогда зачем продолжаешь?

– Потому что ты все равно сядешь.

Он сказал это без насмешки. Как констатацию факта. И, к своему раздражению, Алина действительно села. Не потому, что подчинилась. Просто не желала доставлять ему удовольствие, позволяя видеть ее мелкий бунт в каждой детали. Слишком дешево. Ей нужно было точнее выбирать битвы.

Слуги бесшумно подали еду и так же бесшумно исчезли. За столом остались только они. Алина не притронулась ни к одному блюду.

– Ты боишься, что я тебя отравлю? – спросил Ксавьер, опускаясь в кресло напротив.

– Я боюсь, что ты вообще слишком много себе позволяешь.

– Это не ответ.

– А мне не нравится твой вопрос.

Он налил темно-красную жидкость в кубок и поставил перед ней.

– Это не вино. Напиток из ягод и коры огненного дерева. Согревает, снимает дрожь после портала.

– Как заботливо.

– Я заинтересован в том, чтобы ты пережила первую ночь в Эринии.

– Как романтично звучит, – сухо сказала Алина.

Ксавьер посмотрел на нее тяжелым золотым взглядом.

– Ты все время пытаешься превратить разговор в поединок.

– А это не он?

– Был бы поединок – я бы уже ответил огнем.

– Попробуй, – сказала она прежде, чем успела подумать.

Между ними повисла тишина. Пламя в камине треснуло громче. Ксавьер медленно поставил свой кубок.

– Не бросайся словами, смысла которых не понимаешь, – произнес он настолько тихо, что от этого стало только страшнее.

Алина прикусила язык. Не от страха перед ним – от злости на себя. Она чувствовала, что он держится на грани. Этот мужчина всегда жил на грани, и именно это делало его таким пугающим.

– Хорошо, – сказала она после паузы. – Тогда давай без игры. Мне нужны ответы. Настоящие. Не красивые формулировки про Источник и великий долг. Что именно со мной

будет, если я не соглашусь?

Ксавьер не отвел глаз.

– Сначала тебя будут убеждать.

– Как?

– Словами. Давлением. Политикой. Страхом.

– А в долгосрочной?

Он помолчал.

– Мир войдет в новый цикл войны. Совет начнет искать способы принудить тебя. Орки узнают, что призыв состоялся, но союз не закреплен. Они решат, что мы слабы. Внутри цитадели начнется раскол. И, вероятнее всего, я потеряю часть власти раньше, чем успею защитить тебя от тех, кто будет куда менее терпелив.

Алина медленно выдохнула.

– То есть это шантаж.

– Это картина последствий.

– Ты очень элегантно называешь насилие.

– Я называю вещи так, чтобы не сломаться раньше времени.

Фраза прозвучала неожиданно. В ней было что-то настолько человеческое, что Алина, сама того не желая, посмотрела на него иначе.

Ксавьер сидел прямо, с привычной холодной осанкой, но пальцы, сжимавшие кубок, напряглись слишком сильно. Костяшки побелели. И только теперь она заметила: кожа у основания его большого пальца чуть шероховатая, будто

под ней проступает тонкая чешуя. Она вспомнила записку. Смотри на руки принца, когда он лжет.

– Обратного пути действительно нет? – тихо спросила она.

Ксавьер смотрел на нее долго. Потом перевел взгляд на собственную руку и медленно разжал пальцы.

– Я не знаю.

Это признание ударило сильнее любой красивой лжи.

– Что?

– Ты хотела правду. Вот она. Я не знаю, можно ли открыть портал обратно. В архивах нет ни одного успешного возвращения. Но я не могу поклясться, что это невозможно в принципе.

Алина молчала, чувствуя одновременно облегчение и новую волну ярости.

– Тогда почему в Совете ты сказал, что пути нет?

– Потому что если советники решат, что ты можешь уйти, они станут действовать грубее, быстрее и жестче.

– А ты, значит, благородный похититель.

– Нет, – сказал Ксавьер без тени улыбки. – Просто не хочу, чтобы они добрались до той части тебя, которую страх еще не успел сломать.

Слова прозвучали так неожиданно мягко, что Алина отвела взгляд. Ей было гораздо удобнее злиться на чудовище, чем слышать оттенки правды в голосе мужчины, который все равно оставался ее тюремщиком.

Она сделала глоток из кубка. Напиток оказался терпким,

теплым, с горьковатым послевкусием. Неожиданно вкусным.

– Значит, у меня есть шанс, – сказала она.

– Не уверен, что тебе понравится цена.

– Я сама решу, что мне нравится.

Ксавьер наклонил голову.

– Вот в этом и проблема.

– Для кого?

– Для всех, кто привык, что мир подстраивается под власть, а не спорит с ней.

Она почти улыбнулась.

– Это был комплимент?

– Это было предупреждение.

Еда наконец перестала быть декорацией. Алина взяла кусок жареного мяса, не сводя глаз с Ксавьера. Ксавьер ел мало и как-то слишком отстраненно, словно еда была необходимой формальностью. За окном темнело. Одно из двух солнц скрылось за горизонтом, оставив в небе длинную фиолетовую полосу.

– Кто оставил мне записку? – спросила она внезапно.

Он замер едва заметно.

– Какую записку?

Алина увидела, как его пальцы на секунду напряглись. Лжет.

– Интересно, – сказала она. – Ты даже сейчас не пытаешься скрыть руки.

Ксавьер медленно поднял взгляд.

– Что именно было в записке?

– О, нет. Так не пойдет. Сначала ты признаешь, что знаешь о ней.

Он молчал. Алина откинулась на спинку кресла.

– Ладно. Значит, у меня появился кто-то, кто считает, что даже в твоём дворце я не в безопасности рядом с тобой. Хорошая новость для меня.

– Или ловушка, – спокойно сказал Ксавьер.

– А ты, разумеется, единственный, кто имеет право меня пугать.

– Я имею право хотя бы знать, откуда придет удар.

– Почему? Чтобы опередить его?

– Чтобы защитить тебя от него.

Фраза упала между ними и осталась лежать, как нож. Алина не знала, что ответить.

Он произнес это так, будто сам не ожидал от себя подобных слов. И она поняла: Ксавьер не умел говорить мягко. Если из него прорывалось что-то похожее на заботу, значит, это действительно стоило ему усилий.

Мир, в котором похититель не был плоским чудовищем, был намного опаснее.

Когда ужин подошел к концу, Ксавьер встал первым.

– Завтра прибудет делегация орков, – сказал он. – Они захотят увидеть тебя.

– Зачем?

– Убедиться, что ты существуешь. И понять, насколько

легко тебя будет отобрать, если союз сорвется.

– Какая прелесть. Значит, я не только ваша последняя надежда, но еще и возможный трофей.

– Для них – да.

– А для тебя?

Он подошел ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы жар его тела добрался до нее через воздух. Алина подняла голову и снова увидела эти глаза – нечеловечески золотые, слишком внимательные, слишком живые.

– Для меня, – сказал Ксавьер, – ты женщина, чье «нет» уже успело создать мне больше сложностей, чем весь совет лордов.

– Значит, у нас взаимно.

Она поднялась, собираясь уйти первой, но он вдруг протянул руку и коснулся пальцами ее шеи – там, где под волосами скрывался темный обруч Дома. Всего один миг.

И все же по телу Алины будто прошел разряд. Она резко отступила.

Ксавьер тоже убрал руку, почти мгновенно, но было поздно: оба уже успели почувствовать нечто странное, горячее, слишком узнаваемое по снам.

– Что это было? – шепотом спросила Алина.

Лицо Ксавьера стало непроницаемым.

– Не здесь, – сказал он. – И не сегодня.

Алина смотрела на него еще секунду, потом развернулась и вышла, чувствуя на коже шеи фантомный жар его пальцев.

За спиной трещал огонь.

А впереди, в темных коридорах цитадели, ждал новый мир, который все настойчивее хотел не только ее тела, но и ее выбора.

Глава 7. Первая ночь без сна

Ночь в цитадели не была тишиной. Она была ожиданием.

Лунные покои встретили Алину темнотой, редкими огнями города внизу и слишком широкой кроватью, на которой можно было потеряться даже без кошмаров. Служанки оставили на кровати ночную рубашку из мягкой ткани, поставили у изголовья кувшин с водой и чашу с углями, источавшими сладковатый дым. Все выглядело почти заботливо. Почти по-домашнему. Это бесило.

Алина смыла с лица остатки краски, сорвала украшения, но обруч Дома с шеи так и не сняла. Не потому, что доверяла защите. Просто не хотела признавать, насколько сильно ее беспокоит записка и чье-то невидимое присутствие во дворце. Спать она легла поздно. Не заснула.

Стоило ей закрыть глаза, как перед глазами вставал вечерний зал, рука Ксавьера у ее шеи, его слова, странная неохотная честность в голосе. А потом – совсем не ко времени – вспоминалась линия его рта, жар кожи, то, как он смотрел на нее. Не как на пустое место. Не как на девчонку из другого мира. Как на задачу, которую он отчаянно пытался не превратить в желание.

Алину раздражали книжные героини, готовые таять от опасного мужчины раньше, чем он заслужит хотя бы нормальный разговор. Она считала себя разумнее, но память о

прикосновениях Ксавьера возвращалась без разрешения.

Около полуночи она встала, накинула плащ прямо поверх рубашки и вышла на балкон.

Небо Эринии ночью было невероятным. Не бархатным, как в земных романах, а живым, многослойным, полным светящихся полос и тонких фиолетовых облаков. Далекая луна висела низко и так ярко, будто ее можно было зачерпнуть ладонью. Где-то над городом пролетел дракон – огромная, безмолвная тень, на секунду закрывшая звезды.

Алина стояла, прижав ладони к холодному камню, и пыталась дышать ровно.

– Ты слишком спокойно смотришь вниз для человека, который вчера пытался бежать, – раздался за спиной мужской голос.

Она обернулась слишком резко. В комнате, у двери, стоял один из семерых мужчин, заседавших в Совете. Тот самый темноглазый, красивый так, словно красоту его создавали специально для плохих решений. На нем был темный плащ, волосы спадали на плечи, а в уголках губ жила едва заметная усмешка.

– Ты кто? – спросила Алина, мгновенно собираясь.

– Люсьен. Третий брат Ксавьера. И нет, я не собираюсь усыплять тебя, похищать или уговаривать выйти замуж. Хотя должен признать: последние несколько часов двор занят почти исключительно тобой.

– Как мило. Значит, я местная сенсация.

– Ты бы удивилась, насколько редко здесь появляется что-то живое.

Он говорил легко, почти лениво, но Алина чувствовала в нем опасность иного рода, не та, что исходила от Ксавьера. Если принц был как меч, вытащенный из огня, то Люсьен напоминал тонкую отравленную иглу.

– Ты оставил записку? – спросила она.

Его брови приподнялись.

– Я бы написал красивее.

– Тогда зачем пришел?

Люсьен подошел к столу, взял яблоко с подноса, покрутил в пальцах.

– Посмотреть, стоила ли ты той бури, которую устроил мой брат.

– И?

– Пока не решил.

– Передай ему, что меня тоже не впечатлил.

Он усмехнулся.

– О, это уже впечатлило половину цитадели. Обычно женщины здесь либо боятся Ксавьера, либо хотят его. Ты как будто испытываешь и то и другое одновременно, а потом злишься на себя сильнее, чем на него.

Алина почувствовала, как щеки обожгло.

– Проваливай.

– С удовольствием. Но сначала совет, раз уж в этом дворце сегодня ночь бесплатных советов.

Он подошел ближе, и только теперь она заметила в его глазах ту же золотую искру, но приглушенную, почти человеческую.

– Завтра, когда придут орки, не позволяй им увидеть страх. Они уважают лишь тех, кто способен вцепиться зубами в горло судьбы. А еще не верь никому, кто начнет говорить тебе о любви с первого взгляда. У нас здесь слишком долго путали любовь с долгом.

– Ты говоришь мне это как брат моего похитителя?

– Именно поэтому и говорю.

Он уже собирался уйти, когда снизу, из глубины цитадели, донесся крик. Не человеческий. Алина застыла.

Крик повторился – рваный, хриплый, полный такой боли, что внутри все сжалось. Люсьен мгновенно перестал улыбаться.

– Не выходи из комнаты, – сказал он.

– Что это?

Он не ответил. Резко развернулся и исчез за дверью. Алина простояла секунду, две, три. Потом, конечно же, вышла следом.

Коридор был полон спешащих шагов. Стражи бежали вниз по лестнице. Где-то впереди раздавались короткие команды. Алина, босая, в плаще поверх ночной рубашки, двигалась почти бесшумно, прижимаясь к стенам. Сердце билось в горле. Крик снова разрезал ночь. Он шел снизу, из внутренних залов цитадели.

Алина спустилась на один пролет, потом еще. На третьем услышала рычание. Глухое, низкое, такое, от которого волосы встали дыбом. У входа в широкий зал уже стояли двое стражей, но в суматохе они не заметили тонкую фигуру, притаившуюся в тени колонны. И тогда она увидела.

Мужчина – молодой, не старше тридцати, с такими же темными волосами, как у Ксавьера, – был прикован цепями к каменному постаменту. Тело выгибалось в судорогах. Под кожей по рукам и груди быстро распространялась сизо-серая чешуя. Пальцы удлинялись, превращаясь в когти. Из рта срывались то человеческие хрипы, то звериный рев. Вокруг него стояли Ксавьер, Саргон, еще двое драконов и несколько воинов.

Ксавьер держал ладонь на лбу молодого мужчины, и от его руки исходило золотое сияние. Лицо принца было белым, напряженным, почти каменным.

– Калерб, – говорил он низко и жестко. – Смотри на меня. Смотри на меня, слышишь?

Молодой дракон рванулся так сильно, что цепи натянулись и зазвенели.

– Не могу... – прохрипел он. – Оно... жжет...

– Дыши.

– Убей меня, если сорвусь!

– Замолчи.

Алина прижала ладонь ко рту. Вот оно. Не красивая легенда. Не политический аргумент. Настоящее безумие, по-

жирающее живого человека у нее на глазах. В этот момент Ксавьер резко поднял голову. Его взгляд метнулся прямо к ее укрытию. Он увидел.

И в этом взгляде сначала вспыхнула ярость, а затем – что-то еще. Не стыд. Не страх. Бессильное, резкое желание скрыть от нее эту сторону себя.

– Уведите ее! – рявкнул он.

Но Алина уже отступила сама. Назад. В темноту коридора. На дрожащих ногах. С ледяными руками и расколотым сердцем.

Потому что впервые поняла: этот мир не требует от нее жертвы из прихоти. Он действительно тонет.

И все же это не делало принуждение менее отвратительным.

Когда она вернулась в покои, ее трясло так, что пришлось обеими руками удерживать кувшин с водой. Сон не пришел. Вместо него пришло утро – бледное, сухое и чужое.

А вместе с ним понимание, что ее «нет» здесь услышали не все.

Но одному дракону оно, похоже, уже начало причинять настоящую боль.

Глава 8. Тень крыла над городом

Утро в Эринии было безжалостно ясным. После ночи, полной криков, тайн и чужого безумия, свет казался почти издевательством. Одно из двух солнц уже стояло высоко, окрашивая черные башни цитадели в медный цвет. Второе только поднималось из-за горного хребта, бледное и холодное. Город внизу просыпался, и его шум – странная смесь криков птиц, гулких ударов металла, говора и далекого рева крыльев – поднимался к Лунным покоям, как дыхание огромного зверя. Алина не спала вовсе.

Она сидела у окна, поджав ноги, и смотрела вниз до тех пор, пока тени не уступили место дню. В голове снова и снова прокручивалась сцена из подземного зала: сереющая чешуя на коже молодого дракона, цепи, рука Ксавьера у него на лбу, хриплое «убей меня». В Москве после такого она бы решила, что сходит с ума. Здесь безумие было наследственной болезнью целого народа. В дверь постучали.

– Если это платье номер два, я подожгу его сразу, – не оборачиваясь, сказала Алина.

– Сегодня без платьев, – ответила Мира.

В голосе распорядительницы было что-то иное, чем вчера. Меньше сухости. Больше внимательности. Алина повернулась.

Мира внесла поднос с завтраком – фрукты, хлеб, малень-

кий чайник и две чашки. За ней не шли служанки. Она поставила поднос на стол и только потом спросила:

– Вы видели ночью Калеба?

Алина резко выпрямилась.

– Значит, это был он.

– Младший брат принца.

– Ты говоришь об этом так, будто я должна была сама догадаться.

– Я говорю так, потому что теперь вы понимаете больше, чем вчера.

Алина молчала.

– Что с ним? – спросила она наконец.

Мира налила чай. Ее движения были точными и сдержанными.

– То же, что постепенно происходит со всеми драконами чистой крови. Сначала вспышки ярости. Потом бессонница. Потом потеря контроля над телом и огнем. Затем – полное обращение, после которого назад уже не возвращаются.

– И он еще молод.

– Именно поэтому все так напуганы.

Алина посмотрела в чашку, где плавали незнакомые бледные лепестки.

– Вчера в Совете мне сказали про войну, про наследника, про союз. Но никто не сказал, как это выглядит на самом деле.

– Потому что здесь не любят показывать слабость.

– А ты любишь?

Мира криво усмехнулась.

– Я люблю, когда вещи названы своими именами. Слабость, страх, власть, похоть, долг. Как только мы начинаем прятать суть за ритуалами, все становится хуже.

– И все же ты работаешь на этих людей.

– На этот Дом, – поправила Мира. – Не на все решения, которые он принимает.

Алина смотрела на нее все внимательнее. Вчера эта женщина казалась просто жесткой распорядительницей. Сегодня в ней проступал кто-то другой: человек, слишком много видевший и слишком мало верящий в красивые легенды.

– Ты вчера говорила, что знала женщину, которая хотела домой, – напомнила Алина.

Мира помолчала, затем подошла к балкону и остановилась рядом.

– Ее звали Эльза, – сказала она. – Она не была призванной извне. Она была из северных людских земель Эринии. Ее тоже выбрали для династического союза. Тоже по большой необходимости. Тоже не спросив. Она пыталась бежать трижды. После третьей попытки ее не заперли. Ее просто насильно выдали замуж раньше срока.

Алина похолодела.

– И?

– И через год она умерла при родах.

Тишина после этих слов была слишком долгой.

– Ты говоришь мне это, чтобы напугать? – спросила Алина.

– Я говорю это, чтобы вы понимали, что борьба за свое «нет» здесь не прихоть. А вопрос выживания.

Алина отвернулась к городу. В груди поднималось что-то горькое, тяжелое, то ли жалость к незнакомой Эльзе, то ли новая злость.

– Ксавьер знал ее?

– Да.

– Любил?

Мира посмотрела на нее так, будто взвешивала, как много можно сказать.

– Нет. Но и не был равнодушен. Тогда он был моложе. Думал, что сумеет быть достаточно мягким, чтобы превратить насилие в терпимое сосуществование.

– Очаровательно. Значит, практиковался.

– Значит, ошибся.

Эти слова врезались глубже, чем хотелось бы. Пока Алина молчала, над балконом пронеслась тень. Она вскинула голову. Огромный золотистый дракон делал круг над городом, ловя потоки горячего воздуха над башнями. Его полет был одновременно тяжелым и невероятно точным – как если бы гора вдруг решила стать живой.

– Это он? – спросила Алина.

– Нет. Один из городских стражей.

– А принц тоже летает над цитаделью, когда не похищает

женщин?

– Иногда, – сухо сказала Мира.

– И это должно меня впечатлить?

– Это должно напомнить вам, как мало здесь значат человеческие правила.

Они еще несколько минут стояли молча. Потом Мира кивнула на завтрак.

– Сегодня придут орки. Вам следует поесть.

– Я уже слышала это вчера. Почему вы все так уверены, что еда решает проблемы?

– Не решает, – сказала Мира. – Но голодных людей ломать проще.

Алина неохотно села к столу. Фрукты с синей кожицей оказались сочными и пахли чем-то между гранатом и хвоей. Тело, еще недавно предававшее ее дрожью и жаром, теперь принимало еду с жадной благодарностью.

– Расскажи мне про орков, – попросила она, вытирая пальцы салфеткой.

– Они сильнее людей и честнее драконов, – ответила Мира. – Это одновременно их лучшее и худшее качество.

– Звучит почти как комплимент.

– От меня – да. От драконьего двора – почти оскорбление.

– Они правда такие страшные?

– Они уважают силу и не любят лгать о своих желаниях. Это может показаться страшнее ваших изысканных придворных.

– И чего они хотят от меня?

– Того же, чего все. Понять, что вы значите для равновесия. И можно ли использовать вас против нас.

– Мне начинает нравиться список ролей, которые вы мне отвели, – сказала Алина. – Жена. Мост. Политический инструмент. Повод для войны. Еще немного – и я стану национальным ресурсом.

– Уже стали.

– Чудесно.

В дверь снова постучали. На этот раз вошел страж и, опустив голову, произнес:

– Его высочество просит леди спуститься к полудню в главный зал. Делегация орков прибудет раньше ожидаемого.

– Я сказала, что не леди.

– Передам, – бесстрастно ответил страж и ушел.

Алина вздохнула.

– Они меня вообще слышат?

– Слышат, – ответила Мира. – Но у власти плохой слух там, где ей неудобно.

Незадолго до полудня Мира принесла не платье, а темно-синий наряд из плотной ткани с высоким воротником и длинными рукавами. Он больше походил на облегченную форму или дорожный доспех, чем на придворную одежду.

– Это уже интереснее, – сказала Алина, ощупывая ткань.

– Я решила, что в присутствии орков вам будет легче в чем-то, что не делает из вас хрупкую вазу.

– Ты начинаешь мне нравиться.

– Не торопитесь. Это опасная привычка.

Пока Алина одевалась, она заметила на тыльной стороне левой кисти Миры тонкий белый шрам в форме полумесяца.

– Откуда это у тебя?

Распорядительница быстро опустила рукав.

– Старый урок.

– От кого?

– От мира, в котором красивые сказки обычно заканчиваются кровью.

Когда они вышли из покоев, Алина чувствовала себя уже не просто пленницей, а скорее фигурой, которую выставляют на доску в самый разгар чужой партии. И все же внутри, глубоко под страхом, шевелилось новое, непривычное чувство. Не смирение. Раздражающе холодное любопытство.

Если этот мир решил превратить ее в ставку, стоило хотя бы понять правила игры прежде, чем перевернуть стол.

Глава 9. Поступь стали

К полудню в цитадели изменилась даже тишина. Обычно здешние коридоры были наполнены чем-то тяжелым и сонным – как будто сам камень привык к горделивому молчанию драконов. Теперь же воздух звенел напряжением. Воинов стало вдвое больше. Слуги исчезали, едва завидев господ. Вдали раздавались короткие команды, и даже шаги отражались от стен суше и резче, чем вчера.

Алина шла рядом с Мирой, чувствуя, как ткань темно-синего наряда плотно облегает тело и не мешает двигаться. После вчерашнего платья это казалось почти роскошью. Высокий ворот скрывал шею и обруч Дома, длинный пояс подчеркивал талию, а мягкие кожаные сапоги позволяли ступать без неловкости.

У входа в главный зал ее уже ждал Ксавьер.

Он был в темном боевом камзоле, поверх которого лежались пластины гибкой черной брони. За спиной висел меч. Волосы были собраны выше, чем вчера. Лицо – привычно непроницаемое, но по тому, как напряжены плечи и чуть сжаты губы, Алина сразу поняла: он зол. Или встревожен. Или и то и другое.

– Ты видела ночью больше, чем должна была, – сказал он вместо приветствия.

– Добрый день тебе тоже, – ответила она. – И я бы не уви-

дела, если бы в вашей милой крепости никто не кричал так, будто его живьем рвут на части.

На миг в его глазах вспыхнуло раздражение.

– Я запретил тебе выходить.

– Я заметила, что ты много чего запрещаешь.

– Алина.

Он произнес ее имя низко и коротко, и от этого почему-то стало трудно дышать. Не от страха. От того, как звучало. Будто он уже привык произносить его слишком часто.

– Что с Калебом? – спросила она в лоб.

Ксавьер замолчал.

– Стабилизирован, – ответил он наконец. – Временно.

– А потом?

– Потом будет новый приступ.

– И ты все еще считаешь, что лучший способ спасти мир – заставить меня выйти замуж?

На этот раз он не ответил сразу. В его взгляде появилось что-то усталое.

– Я считаю, что времени слишком мало, чтобы позволить себе роскошь идеальных решений.

– А я считаю, что принуждение не становится менее отвратительным только потому, что у вас дедлайны.

Ксавьер посмотрел на нее так, будто хотел что-то сказать, но не успел. Снаружи раздался глухой, ритмичный стук. Не барабаны. Сапоги. Много. Ворота главного зала распахнулись. Внутрь вошли орки.

Алина невольно выпрямилась. Она ожидала увидеть грубых чудовищ из дешевой фэнтезийной картинки. Вместо этого в зал вошла сила, привыкшая не нуждаться в украшениях.

Они были огромными. Почти все – выше двух метров, широкоплечие, тяжелые, с кожей оттенка бронзы, олова, старой оливы. На открытых предплечьях и шеях вились темные узоры – то ли татуировки, то ли шрамы, оставленные обрядами. Доспехи орков не блестели, как драконьи. Они были матовыми, рабочими, с вмятинами, следами починки и настоящего боя. Некоторые носили меха на плечах, некоторые – плащи из грубой ткани. Но все двигались с той лаконичной уверенностью, которую невозможно подделать. Впереди шел Гаррош.

Он был еще шире остальных, с лицом, будто высеченным из старого дерева и стали. Шрам пересекал левую скулу и уходил вниз под ворот. Волосы были собраны в короткий хвост. В нем было что-то тяжелое, земное, почти природное – как будто он не вошел в зал, а принес с собой целую степь, гарь кузниц и холод железной руды. Гаррош не поклонился.

Он остановился посреди зала и обвел взглядом всех присутствующих, словно взвешивая, сколько из них успеет убить до того, как его самого завалят телами. Потом его глаза остановились на Алине. И сузились.

– Так вот она, – произнес он голосом, похожим на камни, перекатывающиеся в жерновах. – Призванная.

– Посол Гаррош, – холодно сказал Ксавьер. – Ты прибыл раньше срока.

– Твои гонцы плохо считают дни, дракон. Или я слишком хотел убедиться, что слухи не врут.

Он сделал шаг вперед. Ксавьер тут же сместился чуть в сторону, словно невзначай заслоняя Алину плечом.

– Дистанция, – резко сказал он.

Гаррош усмехнулся, не отводя взгляда от Алины.

– Зачем? Боишься, что твоя человечка рассыплется от одного орочьего дыхания?

– Боюсь, ты забудешь, кто здесь гость, а кто заложница пророчества, – ледяным тоном ответил Ксавьер.

– О, значит, ты уже признаешь, что она заложница.

В зале повисло напряжение, плотное, почти осязаемое. Алина почувствовала, как изнутри поднимается та самая злость, которая всегда приходила к ней в критические моменты и помогала не развалиться. Она шагнула вперед сама. Между двумя мужчинами.

– А может, вы оба перестанете обсуждать меня как кусок редкого минерала? – спросила она четко. – Это, конечно, очень захватывающее шоу, но у меня с утра и без вас плохое настроение.

Гаррош перевел на нее взгляд. Сверху вниз. Очень сверху вниз.

– У тебя острый язык, человечка.

– Зато без клыков. Пока.

В его глазах мелькнуло удивление. Потом – что-то похожее на удовольствие.

– А у нее есть зубы, Ксавьер.

– И привычка кусать, если ее трогают без разрешения, – холодно добавила Алина.

Несколько орков за спиной Гарроша хмыкнули. Драконья стража напряглась сильнее. Кто-то из советников тихо выдохнул сквозь зубы.

Гаррош подошел еще на шаг. Но теперь – уже не к Ксавьеру, а к ней.

Алина почувствовала запах дыма, металла и холодного ветра. Он был совсем другим, чем у драконов. Не жарким. Тяжелым. Земным.

– В пророчествах говорится, что призванная будет обладать волей льда и сердцем пламени, – сказал он. – Пока я вижу лишь маленькую женщину в дорогой ткани.

Алина посмотрела на него снизу вверх.

– А я вижу большого мужчину, который пришел ко двору врага проверять чужую смелость вместо того, чтобы сначала проверить собственные манеры.

В зале стало так тихо, что слышно было, как в камине осыпается уголь. Гаррош моргнул. Потом вдруг расхохотался.

Громко, раскатисто, с настоящим весельем, как смеются люди, которых давно никто не удивлял.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Очень хорошо. Может, из этого и вправду выйдет что-то полезное.

– Например, урок вежливости? – сухо уточнила Алина.

– Например, мир, – ответил он, и улыбка вдруг исчезла. – Если ты действительно стоишь того хаоса, который уже поднялся между нашими землями.

Ксавьер не расслаблялся ни на миг.

– Мы продолжим разговор в зале переговоров, – сказал он. – Без зрителей.

– Я пойду тоже, – заявила Алина.

– Нет, – одновременно сказали Ксавьер и Мира, стоявшая позади.

– Да, – сказала Алина, переводя взгляд на принца. – Это же обо мне идет речь. Или ты снова собираешься решать мою судьбу в комнате без меня?

Гаррош снова оскалился в подобии улыбки.

– Пусть идет, дракон. Я хочу посмотреть, как долго ты выдержишь женщину, которая не умеет молчать.

Ксавьер ничего не ответил, но в его глазах вспыхнуло то опасное золотое напряжение, которое Алина уже научилась узнавать. Он был не просто раздражен.

Его раздражало чужое внимание к ней еще до того, как имел на это хоть какое-то право.

Эта мысль пришла внезапно и показалась настолько невозможной, что Алина сама на себя разозлилась. Но ощущение осталось.

Возможно, дело было не в ревности, а только в стремлении все контролировать. Но от этой версии ей почему-то ста-

ло еще теплее и страшнее.

Глава 10. Цена слова

Зал переговоров располагался в другом крыле цитадели, ниже тронных уровней и ближе к сердцу скалы. Здесь все было утилитарнее: массивный стол, карты на стенах, железные светильники, узкие окна, из которых открывался не торжественный вид на город, а лишь срез горного уступа и полоску неба. Комната будто специально была лишена дворцового блеска, чтобы любые слова внутри звучали без прикрас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.